

Закончив мыться и одеваться, Сакура оказалась перед зеркалом, прибитым к стене справа от двери на задний двор. (Сакура всегда ненавидела, что он находился там — он находился достаточно близко к улице и регулярно покрывался пылью и пылью, а это означало, что его нужно было чистить чаще, чем если бы он находился вдаль от дороги, наверху или наверху. Но каа-сан сказал, что посетители не увидят его, если он будет наверху, и, очевидно, в этом и заключалась его цель.)

У нее никогда не было привычки рассматривать себя детально, а не мимолетно, но она решила, что у нее есть несколько свободных минут. Сейчас ей было девять, но она по-прежнему выглядела так же, как и в восемь лет; невысокого роста, с лиловыми глазами, светлыми волосами и синяками неправильной формы от тренировок, разбросанными по ее видимой коже.

Вся ее семья родилась блондинкой, но только половина осталась такой: она сама, Рен, Саюри, Аяме, Фудзио и Кохана сохранили локоны своей матери, в то время как остальные постепенно потемнели, превратившись в некую смесь обоих родителей.

Ее волосы были одними из немногих, которые вообще никогда не темнели.

Сакура не знала, почему она об этом думает, почему она это делает, почему волосы вообще ее беспокоят.

Она продолжала смотреть в зеркало.

Ее волосы снова были собраны в фирменный хвост ее семьи. Единственным, у кого его не было, по крайней мере сейчас, был Фудзио, и то только потому, что его отрубили во время миссии — он уже был в процессе его восстановления.

Помимо синяков, неделю назад у нее была порез чуть выше правого глаза от лонжерона. За это Шин была наказана: порез был слишком близко к ее глазу, чтобы ее можно было успокоить.

Она продолжала смотреть.

Она была жива.

Разве это не была странная мысль?

Сама жизнь существовала, продолжала существовать, увековеченная до разумности...

И она была одной из многих, кто в настоящее время был жив, дышал, двигался и думал, как и многие другие.

А Зоро Акимичи не был.

Изображение в зеркале не изменилось.

Дом был пуст.

В прошлом году Каа-сан сменила график работы и почти никогда не бывала дома. Днем Химари ходила к Рену и помогала с его детьми — иногда у нее случались припадки, поэтому ее никогда нельзя было оставлять одну, но это не означало, что она могла просто сидеть и ничего не делать. Фудзио и Аяме были со своими командами. Сегодня тренировка будет для них немного трудной, но они даже не колеблясь прошли мимо кухни, не захватив ничего поесть.

Вероятно, позже она найдет это более трогательным.

Даже Кохана ушла, тоже не позавтракав, но не сумев найти замену своей смене, чтобы успеть провести день с Сакурой. Сакура, конечно, тоже ее не спрашивала, но Кохана, тем не менее, невероятно сожалела.

Все остальные ушли на миссии, их не было по крайней мере несколько недель, поэтому Сакура осталась одна в своем доме, глядя в зеркало, на которое никогда не обращала особого внимания, и поражаясь полной абсурдности простого существования жизни.

За ее окном двое мальчиков начали кричать («Отвратительно! Отвратительно! Держите это подальше от меня!»), и она наконец заставила себя выйти из задумчивости.

Помимо прогулки в Академию и комплекс Нара, прогулка до комплекса Акимичи была поездкой, которую она совершала чаще всего в жизни.

Во время прогулки в тот день ничего особенного не изменилось. Было построено несколько новых многоквартирных домов, закрывавших солнце своей высотой, но они были построены в течение нескольких недель; она уже видела их. Люди бегали туда-сюда, играли дети, торговцы продавали свои товары.

Большую часть она узнала. Те немногие, с которыми она не вписывалась идеально.

Ничего не выделялось.

Ничего не было по-другому

Была поздняя зима, холодная и сухая, от такой температуры губы трескались, а щеки краснели до такой степени, что болели.

Вокруг нее собралось большинство людей, завернутых в столько слоев, сколько они могли вокруг себя. Некоторые ниндзя были одеты более свободно — их частые движения делали это менее необходимым, и даже если им приходилось долго стоять на месте, они могли просто рассчитывать на прокачку своей чакры, чтобы чувствовать себя комфортно.

Сакура была больше похожа на последнее, чем на первое, но она не убежала.

Она тоже не использовала свою чакру; во время траура это считалось грубостью.

Вместо этого она вздрогнула.

Когда она приблизилась к комплексу Акимичи, большинство звуков исчезло. Она могла слышать зов плачущих Акимичи — в отличие от Яманака, который скорбел в тишине — и их крики, казалось, заглушали все остальные.

Вероятно, так и было, по моде. Все знали, что означают их вопли, и перешептывались или отходили от совершенно белых стен комплекса в знак уважения.

Внутри комплекса звук был еще громче; сотни голосов кричат.

Их последние похороны состоялись всего месяц назад: маленькая девочка заразилась гриппом слишком рано после того, как переболела оспой.

Яманака, которые были почти такими же большими, сумели избежать похорон в течение почти четырех месяцев.

Полоса побед в Наре завершилась на прошлой неделе с участием одного из их старших игроков.

Смерть при таком большом населении, как у них, была достаточно частым явлением.

Это не сделало их легче, менее важными и менее болезненными для тех, кого они непосредственно затронули.

Сакура встречалась с Зоро всего три, а может и четыре раза. Впечатление о нем у нее было положительным, но мимолетным: он не произвел большого впечатления, его личность не была настолько необычной, чтобы оставить лишь мимолетный след.

Она также знала, что он не был так близок с Джуро. Он был слишком стар, когда родился младший, слишком далеко ушел от собственной жизни, и, поскольку он не был ни первым, ни вторым, он не был так сильно связан своей ролью старшего брата, как Ичиро или Рен. Даже Каэде, милая Каэде, провела с Сакурой больше времени, чем Зоро с Джуро, несмотря на то, что он уже провел время вне Земли.

Боль от смерти ее брата все еще сохранялась.

Боль от смерти братьев Джуро – второй и пятой, а теперь и третьей – тоже останется.

Она не могла представить себе его боль.

.

Иногда, когда большая часть мира засыпала и единственными шумами оставались те, кто не хотел или не мог присоединиться к своим спящим собратьям, Сакура выбиралась из окна.

Комплекс Яманака располагался посреди всего, загроможденный со всех сторон зданиями, парками и тренировочными площадками. Акимити, во всяком случае, были в еще худшем положении: их комплекс располагался прямо посреди кварталов, заполненных многоквартирными домами, и лишь несколько скудных деревьев разбавляли монотонность.

Нара же располагались на самом краю, возле стен. Их земли были завалены деревьями и дикой природой, а не лесом и глиной, и вы могли легко заблудиться внутри комплекса и забыть о городе, частью которого он был.

Это делало поездки на территорию посреди ночи немного неудобными, как с точки зрения расстояния, так и с точки зрения маршрута, но Сакура все равно совершала поход хотя бы раз в месяц.

Обычно она оказывалась в комнате Шина одна.

Он не спал (он всегда бодрствовал), но что-то в течение дня подсознательно предупреждало ее (если бы оно было сознательно, она бы просто планировала переночевать днем), что у него не все в порядке, что он Я слишком долго не спал.

Она забиралась к нему на кровать, обнимала его крошечными ручками и тихо бормотала ни о чем.

Обычно он засыпал примерно через три часа после ее прибытия, а на следующий день она шла в Академию с мешками под глазами, и он шел с большей энергией, чем когда-либо. в этом

месяце.

Иногда, когда радары Сакуры и Джуро улавливали одни и те же знаки, в два часа ночи они все оказывались забитыми в его крошечной кровати, борясь за любое доступное место, в то время как Шин снова и снова повторял, что им не обязательно приходиться. и они снова и снова угрожали рассказать о нем его маме, если он не заткнется и не потеряет сознание.

В первый раз она встретила Зоро после одной из тех ночей, когда его мать по той или иной причине послала его за Джуро.

Он был высоким, круглым, вежливым и... и...

Она действительно больше ничего не заметила.

Она помнила, что он дразнил Джуро тем, что тот постоянно оказывался в чужих кроватях. Джуро не понял шутки, а затем Зоро извинился — он думал о Куро, а не о Джуро — у первого, очевидно, была привычка ходить во сне.

Она отчаянно пыталась придумать какое-нибудь другое, более глубокое воспоминание о Зоро, какое-нибудь разумное объяснение тому, почему его смерть так сильно ударила по ней, но его не было.

Он был для нее никем, всего лишь одним из многих жителей Конохи, с которыми она нерегулярно общалась.

Он не оставил на ней особого следа, она не думала о нем с нежностью до его смерти — фактически вообще не думала о нем.

И все еще...

Дело было не только в том, что он был Акимичи.

Она знала других умерших Акимичи, разговаривала с некоторыми из них больше, чем даже с Зоро, и ей было жаль их смерти, но не настолько, чтобы она обнаружила, что не может ясно мыслить и не может улыбаться.

Она прошаркала позади скорбящей толпы, рядом с Шином.

Он выглядел менее расстроенным, чем она, но ненамного, и, возможно, это просто потому, что он всегда выглядел изнуренным.

Вокруг них вопли Акимичи продолжали наполнять воздух, каждое их действие требовало признания их боли, горя, которое принесла смерть Зоро.

Шин и Сакура молчали.

Она не была уверена, была ли это традиция клана — Яманака скорбели молча, а Нара скорбели конфиденциально, общаясь один на один — но, похоже, ни один из них не был способен открыть рот и выкрикнуть свою боль миру.

Рядом плакал ребенок.

Маленькая девочка спросила маму, почему они не позавтракали.

Скулила собака, закрывая уши, сидя на чьей-то крыльце.

Сакура видела Джуро в самом начале с пятью из оставшихся шести братьев и обоими родителями.

Они кричали, боролись туда-сюда без чакры, без сил, просто выплескивая свои эмоции самым физическим способом, на который только были способны.

Нара говорила сквозь боль смерти. Яманака тоже сделал то же самое, как и Акимичи, но только по прошествии нескольких дней.

Акимичи в день похорон вообще не разговаривал.

Даже Яманака говорил больше, произносил слова, которые освободили душу и привели ее к покою.

Акимичи не верили, что слова что-то делают, поэтому не тратили время зря.

Вместо этого день был посвящен эмоциям, горю, бесчувственному чувству, с которым Сакура никогда не могла справиться.

Она проведет день здесь, на территории комплекса.

Она помогала, где могла — присматривала за младенцами, приносила воду тем, кто выглядел жаждущим, — но больше она мало что могла сделать.

Мало что еще кто-то мог сделать.

Зоро был мертв.

Ничто не могло этого изменить. Ничто не изменит этого.

Когда Каэде умерла, она была погружена в свое горе, в невыносимое горе из-за смерти брата.

Теперь ей было грустно, она скорбела, но это было менее личным.

Затем, когда Каэде умерла, ее печаль пронесла ее через часы и дни после его смерти, одарив ее неспособностью думать ни о чем другом.

Теперь Сакура отчаянно нуждалась в отвлечении, в какой-то цели, в чем-то, что могло бы отвлечь от окончательности смерти человека, которого она одновременно знала и не знала.

.

Он был похож на Джуро.

Вот что это было, не так ли?

Он был похож на Джуро, поэтому Сакура продолжала представлять своего товарища по команде, своего душевного брата на месте его кровного брата.

Все время представлял, как стою в шкуре покрытого шрамами Яманаки впереди толпы и борюсь с теми же самыми братьями.

Смерть была окончательной.

Даже Арден не могла этого изменить – все, что она сделала, пусть и случайно, – это отсрочила свое решение на несколько месяцев.

Однажды Джуро умрет .

Однажды они все это сделают.

Она вспомнила первые похороны Акимичи, на которых она когда-либо была, — смерть отца товарища по команде ее отца.

Он был стар, очень стар, когда умер.

Его семья, его друзья, те, с кем он работал десятилетиями, по-прежнему делали то же самое, что и семья Джуро; все — от маленьких трехлетних детей, которые не могли передвинуть даже растение в горшке, до нынешних лидеров отряда джунинов, которые могли поднять дом, едва вспотев, до старых дряхлых пенсионеров, чьи расцветы давно прошли и с они использовали большую часть своих сил — все пихали друг друга, кричали друг другу в лицо, безмолвно требовали ответов, требовали облегчения, требовали способа преодолеть.

Тогда ей это показалось странным, неприятным, чуждым и громким.

Теперь она не могла себе представить более интуитивного способа скорби.

Она не знала, сможет ли она, если Джуро умрет раньше нее, скрыть свои эмоции, как ей было суждено.

Она не знала, захочет ли она этого, даже если бы могла.

Она ненавидела это.

Ненавидела каждое откровение, которое она получила, ненавидела каждое воспоминание, которое эти похороны подняли на поверхность, ненавидела каждую попытку осмыслить мир, который ей пришлось создать.

Прямо сейчас она должна была думать о правильных поклонах, чайных церемониях, системах подачи документов и юридической двусмысленности.

Она не должна была думать о том, справедливо ли скорбеть о ком-то, кого ты оплакивал только потому, что он напоминал тебе кого-то другого. Она не должна была думать о смерти, ее окончательности и абсолютной уверенности в том, что все, кого она сможет увидеть, умрут в течение столетия. Она не должна была думать о том, почему Яманака скорбит иначе, чем Акимичи, кто из них лучше, и способна ли она вообще оплакивать Джуро так, как он хотел бы, чтобы его оплакивали.

На секунду она возненавидела Зоро.

Второй прошел.

На секунду она возненавидела себя.

Второй прошел.

Кто-то жестом попросил воды, и она помчалась за ней.

Позже, намного позже, она попытается решить, что делать с предполагаемой смертью своих товарищей по команде. А пока она посвятит себя, насколько это возможно, помощи другим и попытается хотя бы на какое-то время игнорировать безнадежность затеи.

<http://tl.rulate.ru/book/96215/3305520>